

КАРЛО КОЛЛОДИ

Приключения Пиночкио

#эксмогештво

ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. МАРАЙЯ

Карло Коллоди

Приключения Пиноккио

Серия «Золотое наследие (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51625991

*Приключения Пиноккио / Карло Коллоди ; [перевод с итальянского Камилла Данини] ; иллюстрации Либики Марайи. : Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110335-4, 978-5-04-110336-1*

Аннотация

Книга «Приключения Пиноккио» Карло Коллоди уже давно стала национальным достоянием Италии, и её тиражи занимают лидирующие строчки не только среди детских, но и среди взрослых книг, а сюжет сказки лёг в основу многих художественных фильмов. Это история деревянной куклы, сделанной из говорящего полена, которая научилась быть человеком. За детским сюжетом угадывается сложная проблема взросления, а сказочные обстоятельства приключений Пиноккио, его поведение, встречи и непростые решения научат читателя принимать ответственность за поступки, отличать правду от лжи. Чтение этой великолепной книги неизменно приносит радость детям и взрослым.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	69
Глава 13	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Карло Коллоди

Приключения Пиноккио

Иллюстрации итальянского художника Либико Марайи,
которого заслуженно называют «Мастером Образа».

Carlo Collodi

Le avventure di Pinocchio

Original artwork © Libico Maraja Association, 2014

Use without permission is strictly prohibited.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Как столяр Вишня нашёл полено, которое плакало и смеялось, как ребёнок

Жил-был на свете...

«Король!» – тотчас воскликнут мои маленькие читатели.
А вот и нет! Всего лишь кусок дерева.

Ничего ценного в нём не было: самое обычное полено, из тех, что жгут зимой в очагах и каминах, чтобы стало теплее в комнате и веселее на душе.

Уж не знаю, как это случилось, но в один прекрасный день попало это полено в мастерскую старого столяра, мастера Антонио. Впрочем, все называли его мастер Вишня, потому что кончик носа у него был красный и блестящий, точь-в-точь как спелая вишенка.

Мастер Вишня просиял, когда полено попало к нему на глаза.

– Как раз то, что нужно, – пробормотал он, потирая руки. – Из него получится отличная ножка для столика.

С этими словами он взял остро отточенный топор, чтобы обтесать полено. Но стоило ему размахнуться, как послышался тоненький голосок:

– Эй, не так сильно!

Можете себе представить изумление старого мастера!

С удивлением оглядывал он комнату, пытаясь понять, откуда донёлся голос, но никого не было видно! Мастер Вишня поискал под лавкой – никого; посмотрел в буфете, который обычно и открывать было незачем, – никого; заглянул в корзину со стружками и опилками – и там никого; он даже отворил дверь и высунулся наружу – но и на улице тоже никого не оказалось. Что за чудеса?

– Всё ясно! – рассмеялся мастер Вишня и почесал свой парик. – Это у меня воображение разыгралось. Ладно, пора за работу.

Он снова взял топор и крепко ударил по деревяшке.

– Ой-ой! – завопил тот же тоненький голосок. – Мне же больно!

Мастер Вишня так и застыл на месте с вытаращенными глазами и разинутым ртом. Язык у него с перепугу свесился чуть ли не до подбородка. Едва к бедному столяру возвратился дар речи, он залепетал, дрожа и запинаясь:

– Да кому тут, скажите на милость, кричать «ой-ой»? Здесь ведь ни единой живой души нет. Не может ведь кусок дерева кричать и плакать, как малое дитя? Ни за что не по-

верю! Это просто полено, такое же, как другие, оно только на то и годится, чтобы его бросили в очаг под котелок с бобовым супом. Или же всё-таки внутри кто-то есть? Ну, если в этом полене кто-то прячется, то тем хуже для него. Я ему покажу!

С этими словами мастер Вишня схватил злополучное полено и принялся безжалостно колотить им о стены комнаты.

Наконец он остановился и прислушался: не раздастся ли снова тоненький голос. Прождал две минуты – ничего, пять минут – ничего, десять... По-прежнему ни звука.

– Ясно, – проговорил мастер Вишня, усмехнувшись. – Конечно, это «ой-ой» мне просто почудилось. Примусь-ка я снова за дело.

Но поскольку мастер Вишня всё-таки был не на шутку напуган, то для храбрости он затянул песенку.

Он отложил топор в сторону и взял рубанок, чтобы обстругать полено. Но не успел он пройтись рубанком и разочек, как прежний голосок выкрикнул сквозь смех:

– Эй, перестань! Щекотно же!

Тут бедный мастер Вишня и рухнул, точно громом пораженный. Когда же он открыл глаза, то обнаружил, что лежит на полу.

Лицо у него совсем перекосилось от страха. И даже кончик носа из красного сделался синим.

Глава 2

**Мастер Вишня дарит странное
полено своему другу Джепетто,
который берёт его, чтобы сделать
чудесную куклу, умеющую плясать,
драться на саблях и прыгать**

И тут в дверь постучали.

– Войдите, – вымолвил столяр, у которого даже не было сил подняться на ноги.

В мастерскую вошёл шустрый маленький старичок. Звали его Джепетто, но когда соседские дети хотели поддразнить старичка, то называли его Кукурузная Лепёшка, потому что его жёлтый парик напоминал цветом кукурузную кашу, которую в Италии именуют полента. Горе тому, кто обзывал так Джепетто: услышав это прозвище, он впадал в ярость.

– Добрый день, мастер Антонио! – поздоровался Джепетто. – Что это вы делаете на полу?

– Учю муравьёв грамоте.

– Дело хорошее.

– Что привело вас сюда, сосед Джепетто?

– Мои ноги. Вообще-то, мастер Антонио, я пришёл вас

просить об одном одолжении.

– Я к вашим услугам, – произнёс столяр, поднимаясь на колени.

– Нынче утром мне на ум пришла одна мысль.

– Что ж, послушаем.

– Я надумал смастерить красивую деревянную куклу, чудесную куклу, которая умела бы плясать, проделывать разные трюки и прыгать, как акробат. С такой куклой я мог бы разъезжать по свету, так и заработаю себе на кусок хлеба и на стакан вина. Что вы на это скажете?

– Отлично, Кукурузная Лепёшка! – послышался всё тот же голосок.

И вновь невозможно было понять, откуда он доносится.

Услышав, что его называли Кукурузной Лепёшкой, Джепетто побагровел, как петушиный гребень. Он повернулся к столу и грозно спросил:

– Почему вы меня оскорбляете?

– Кто это вас оскорбляет?

– Вы называли меня Кукурузной Лепёшкой!

– Ничего подобного!

– Хотите сказать, что это я сам себя обозвал? Не отпирайтесь, это были вы.

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

Оба распалялись всё сильнее, слова перешли в тумаки, и в конце концов два старичка сцепились, колошматя друг друга и царапаясь.

Когда драка кончилась, жёлтый парик оказался в руках у мастера Антонио, а Джепетто сжимал в зубах седой парик столяра.

– Отдайте мой парик! – закричал мастер Антонио.

– А вы верните мне мой, и давайте мириться.

Оба старика водрузили на головы свои парики, обменялись рукопожатием и поклялись, что останутся друзьями до конца своих дней.

– Так что же, Джепетто, – произнес столяр, желая показать, что не держит зла на приятеля. – О каком одолжении вы хотели меня попросить?

– Мне бы кусок дерева для моей куклы. Не дадите ли мне что-нибудь подходящее?

Мастер Антонио тут же кинулся к скамье и схватил так напугавшее его полено. Но едва он протянул полено приятелю, как деревяшка вывернулась из его рук и со всей силы стукнула беднягу Джепетто по ногам.

– Ага! Вот какие любезные одолжения вы делаете, мастер Антонио! Вы меня едва не покалечили!

– Клянусь, это не я!

– Получается, это я сам себя стукнул?

– Это всё полено!

– Знаю, что полено, но это же вы меня им ударили!

– И не думал!

– Врун!

– Джепетто, не оскорбляйте меня, не то назову вас Кукурузной Лепёшкой!

– Осёл!

– Кукурузная Лепёшка!

– Обезьяна!

– Кукурузная Лепёшка!

– Бабуин!

– Кукурузная Лепёшка!

Когда ненавистное прозвище прозвучало в третий раз, у Джепетто в голове всё помутилось от гнева. Он налетел на столяра, и они подрались снова.

После драки у мастера Антонио на носу красовались две царапины, а у Джепетто не хватало пуговиц на куртке. Сведя счёты, они вновь обменялись рукопожатием и поклялись в вечной дружбе.

Джепетто поблагодарил мастера Антонио и захромал домой, унося с собой полено.

Глава 3

Джепетто, вернувшись домой, принимается делать куклу и даёт ей имя Пиноккио. Первые проделки куклы

Джепетто жил в маленькой каморке под лестницей.

Более простой обстановки, чем у него, нельзя было и придумать: шаткий стул, убогая кровать и поломанный стол. А очаг с бушующим пламенем был всего лишь искусно выполненной картиной на стене. От нарисованного над огнём котелка вздымались клубы пара – совсем как настоящие.

Вернувшись домой, Джепетто вытащил свои инструменты и начал вырезать деревянного мальчишку.

– Как же мне его назвать? – размышлял он. – Назову-ка я его Пиноккио. Это имя принесёт ему удачу. Когда-то я знал целую семью по имени Пиноккио. Пиноккио-отец, Пиноккия-мать и детишки-Пинокки. Дела у них шли неплохо, самый богатый из них просил милостыню.

Выбрав имя для куклы, Джепетто всерьёз принялся за работу. Вскоре он уже вырезал волосы, лоб и глаза.

Представьте себе его изумление, когда он обнаружил, что глаза эти моргают и смотрят прямо на него!

Джепетто стало не по себе, и он сердито спросил:

– Что это вы на меня смотрите, деревянные глаза?

Ответа не было.

Джепетто принялся за нос, но, едва он закончил работу, нос стал расти. И рос себе, и рос, пока не оказался такой непомерной длины, что казалось, будто у него и конца-то нету.

Бедный Джепетто пытался укоротить нос, но чем больше он отрезал, тем длиннее тот делался!

Рот ещё и закончен не был, как уже стал кривиться, хохотать и дразниться.

– Прекрати смеяться! – прикрикнул Джепетто, но с тем же успехом он мог бранить стенку.

– Прекрати, кому говорят!

Смеяться рот перестал, зато язык высунул, насколько хватало длины.

Джепетто притворился, будто ничего не видит, и продолжал свою работу. Закончив рот, он перешёл к подбородку, шее, плечам, рукам и животу.

Не успел Джепетто вырезать руки, как почувствовал, что с него сорвали парик. Джепетто обернулся – и что же он увидел? Его жёлтый паричок был в руке у куклы!

– Пиноккио! Верни мой парик!

Но вместо того чтобы отдать парик, Пиноккио нахлобучил его себе на голову, да так, что едва в нём не задохнулся.

Эта дерзкая выходка пуще всего рассердила Джепетто.

– Дрянной мальчишка! – воскликнул он. – Ты ещё толком не готов, а уже так неуважительно относишься к отцу! Скверно это, сынок, очень скверно!

И расстроенный Джепетто смахнул набежавшую слезинку.

Оставалось сделать ноги.

Едва Джепетто закончил ступню, как получил удар прямо в нос.

– Я это заслужил, – сказал он самому себе. – Мне следо-

вало предвидеть такое. Но теперь уже ничего не поделаешь.

И, взяв Пиноккио за руки, он поставил его на пол, чтобы научить ходить.

Поначалу ноги не слушались Пиноккио, и он не мог двигаться с места. Но Джепетто вёл его за руку и показывал, как нужно переставлять вперёд сначала одну ногу, потом другую.

Как только ноги Пиноккио обрели подвижность, он начал уже без помощи Джепетто расхаживать, а потом и бегать по комнате. Тут он заметил, что входная дверь открыта, выскочил за порог и припустил по улице.

Бедный Джепетто бросился за ним, но где ему было поймать Пиноккио! Тот петлял, как заяц, и его деревянные ноги отбивали дробь по мостовой как целых двадцать пар башмаков.

– Держите его! Ловите! – надрывался Джепетто. Но прохожие, завидев деревянного человечка, мчащегося будто скаковая лошадь, сначала застывали в изумлении, а потом хотали до упаду.

Шум слышал полицейский, он решил, что это, наверное, жеребец удрал от своего хозяина. Он храбро встал посреди улицы, чтобы перехватить беглеца, пока тот не натворил бед.

Пиноккио издалека заметил полицейского, перегородившего улицу, и попробовал перехитрить его, проскочив у него между ног.

Полицейский и с места не двинулся: он ухватил Пиноккио за нос – а длиннющий нос словно был создан для того, чтобы за него ловить проказника, – и возвратил его Джепетто. Тот собрался было в наказание надрать Пиноккио уши, но как-то же было его изумление, когда он никаких ушей не обнаружил! А знаете, почему? Джепетто так не терпелось поскорей вырезать свою куклу, что про уши он в спешке позабыл.

И тогда Джепетто схватил Пиноккио за горло и потащил домой, качая головой и приговаривая:

– Ну, дай только добраться до дома! Уж я тебе покажу!

Услышав такое, Пиноккио вырвался, повалился на землю и не желал двигаться с места. Вокруг немедленно собралась толпа зевак.

– Бедная кукла! – переговаривались люди. – Прав малыш, что не хочет возвращаться домой! Наверняка этот злобный старик изобьёт его!

А другие добавляли:

– Этот Джепетто добряк только с виду. А с детьми он просто изверг. Если оставить эту несчастную куклу у него в руках, от неё только щепки полетят!

И столько они наговорили, что в конце концов полицейский отпустил Пиноккио, а Джепетто поволок в тюрьму. Бедняга не знал, что и сказать в своё оправдание, и по пути в тюрьму плакал как ребёнок и твердил сквозь слёзы:

– Несчастье, а не мальчишка! Подумать только, а ведь я

так старался, чтобы у меня получилась послушная кукла!
Что ж, поделом мне! Раньше надо было думать!

В то, что произошло дальше, трудно поверить, и всё-таки
я расскажу вам обо всём по порядку.

Глава 4

Приключения Пиноккио с Говорящим Сверчком, из которых следует, что скверные дети не любят, чтобы их наставляли те, кто знает больше их

А теперь, дети, надо вам сказать, что покуда бедного Джепетто без всякой вины тащили в тюрьму, негодник Пиноккио, едва освободившись от полицейской хватки, кинулся прочь со всей быстротой, на какую были способны его ноги.

Спеша домой, он мчался через поля, взбирался на высокие берега, перемахивал через терновые изгороди и заполненные водой канавы – точь-в-точь как заяц, спасающийся от охотников.

Оказавшись, наконец, у дома, Пиноккио обнаружил, что входная дверь не заперта. Он распахнул её, вошёл в дом, задвинул за собой щеколду и со вздохом облегчения опустился на пол.

Но отдыхать ему пришлось недолго, ибо в комнате вдруг послышался чей-то голос: «Кри-кри-кри...»

– Кто это меня зовёт? – в испуге спросил Пиноккио.

– Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого сверчка, медленно карабкающегося по стене.

– Ты кто такой? Ну-ка, рассказывай!

– Я – Говорящий Сверчок и живу в этой комнате больше ста лет.

– Что ж, теперь эта комната моя, – заявил Пиноккио. – Сделай милость, убирайся отсюда и даже назад не оглядывайся.

– Я не уйду, – ответил Сверчок, – пока не открою тебе великой истины.

– Ладно, выкладывай, не тяни.

– Горе тем детям, которые перечат родителям и убегают из дома. Никогда им не добиться на свете ничего хорошего, и рано или поздно им придётся горько пожалеть о своих поступках.

– Пой себе на здоровье, Сверчок, сколько угодно. Я твёрдо решил, что завтра же на рассвете сбегу отсюда, не то меня ждёт такая же участь, как и других мальчишек, – меня отправят в школу. А мне, честно говоря, совсем не хочется учиться. Гоняться за бабочками, лазить по деревьям и разорять птичьи гнёзда куда занятней.

– Бедный дурачок! Разве ты не знаешь, что если не будешь заниматься ничем, кроме игр, то превратишься в настоящего осла и все станут потешаться над тобой?

– Придержи язык, ты, злобная трещотка! – закричал Пи-

НОККИО.

Но Сверчок был мудр и терпелив: вместо того чтобы рассердиться на грубость Пиноккио, он неторопливо продолжал:

– Раз ты не хочешь идти в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу? Тогда ты смог бы зарабатывать себе на жизнь честным трудом!

– Я тебе скажу почему, – ответил Пиноккио, уже начинавший терять терпение. – Из всех ремёсел на свете мне по сердцу немногие.

– И какие же?

– Есть, пить, спать и развлекаться, разгуливать без дела с утра до вечера.

– Как правило, – изрёк сверчок с прежним спокойствием, – все избравшие такое ремесло заканчивают свою жизнь либо в больнице, либо в тюрьме.

– Хватит каркать, болтливая тварь! Лучше не зли меня!

– Бедный Пиноккио! Мне тебя искренне жаль!

– Почему это?

– Потому что ты всего лишь деревянная кукла, и, что хуже всего, у тебя деревянная голова.

При этих словах разъярённый Пиноккио вскочил, схватил со скамейки молоток и запустил им в Говорящего Сверчка.

Может, Пиноккио и не хотел в него попасть, но только молоток угодил Сверчку прямо в голову. Несчастный и «кри-кри-кри» вымолвить не успел, как его расплющило по стен-

ke.

Глава 5

Пиноккио голоден; он находит яйцо, хочет сделать из него яичницу, но эта яичница улетает в окошко

Настала ночь. Пиноккио вспомнил, что целый день ничего не ел, и в желудке у него что-то заныло. Похоже, это был аппетит.

Но у мальчишек аппетит растёт быстро, и уже через несколько минут аппетит превратился в настоящий голод, а голод, в свою очередь, быстро обернулся лютым зверем.

Бедный Пиноккио кинулся было к очагу с заманчиво бурлящим котелком, но котелок оказался всего лишь рисунком на стене. Представляете, каково было изумление Пиноккио! Его нос, и без того длинный, вытянулся ещё на несколько сантиметров.

Тогда Пиноккио заметался по комнате, шаря по ящикам и по всевозможным уголкам в надежде отыскать хоть немного чёрствого хлеба, или корочку, или обглоданную собакой кость, горсть заплесневелой каши, рыбий скелет, вишнёвую косточку – что угодно, лишь бы можно было это погрызть. Но он не нашёл ровным счётом ничего.

А голод между тем мучил Пиноккио всё больше и больше. Несчастному ничего не оставалось делать, кроме как зевать, и зевки у него порой получались такие широкие, что рот оказывался там, где следовало быть ушам. Отзевавшись, Пиноккио почувствовал, что проголодался ещё больше, и уже почти терял сознание.

В отчаянии он принялся плакать и причитать:

– Прав был Говорящий Сверчок, не следовало мне перечить отцу и убегать из дома. Будь отец здесь, я бы не умирал

сейчас голодной смертью! Какая ужасная напасть этот голод!

Тут ему показалось, будто что-то виднеется в ворохе деревянных стружек – что-то большое, круглое, вроде куриного яйца. Пиноккио вскочил на ноги и схватил свою находку. Это и вправду было яйцо!

Радость Пиноккио невозможно описать! Боясь, как бы это не оказалось сном, он всё вертел яйцо в руках, ощупывал его и целовал.

– Как бы мне его приготовить? – задумался он. – Может, сделать яичницу? Или будет вкуснее, если сварить его всмятку? Или вкрутую? Нет, проще всего пожарить. Лишь бы съесть поскорее!

Пиноккио поспешно развёл огонь и поставил на него сковороду. Вместо масла он плеснул на дно воды, и, как только вода закипела, – крак! Он разбил яйцо, держа его над сковородкой. Но вместо желтка и белка оттуда выскочил маленький бойкий цыплёнок. Он поклонился Пиноккио и сказал:

— Премного благодарен, господин Пиноккио, за то, что избавили меня от необходимости самому пробивать скорлупу. Доброго вам здоровья, и передайте мои наилучшие пожелания вашей семье.

И с этими словами цыплёнок расправил крылья и выпорхнул в открытое окошко.

Несчастный Пиноккио так и остался стоять с разинутым ртом, держа в руках разбитую скорлупу.

Выйдя, наконец, из столбняка, он в отчаянии взвыл и затопал ногами:

— Как же прав был Говорящий Сверчок! Не убеги я из дома и будь сейчас здесь мой отец, не мучился бы я сейчас от голода! Какая же страшная напасть этот голод!

Желудок у него заныл ещё пуще прежнего, а Пиноккио не представлял, как его утихомирить. И тогда он решил обойти округу и поискать какого-нибудь милосердного человека, который дал бы ему кусок хлеба.

Глава 6

Пиноккио засыпает у жаровни и просыпается на следующее утро с обгорелыми ногами

Ночь выдалась бурная, ненастная. Громыхал гром, молнии сверкали так, что казалось, будто горит само небо. Неистовый ветер со свистом гнал клубы пыли, под его порывами скрипели и стонали деревья.

Пиноккио ужасно боялся грома, но голод оказался сильнее страха. Пиноккио выскочил из дома, закрыл за собой дверь и побежал к деревне. Когда он примчался туда, язык у него от усталости свешивался, как у собаки.

Но погружённая во мрак деревня казалась безлюдной. Все лавки были заперты, окна закрыты, на улицах не было видно даже собак. Всё как будто вымерло.

Голодный Пиноккио в отчаянии подёргал дверной колокольчик у первого же дома, твердя себе:

– Хоть бы кто-нибудь услышал!

Так и случилось. Из окна выглянул старичок в ночном колпаке и сердито прокричал:

– Что вам нужно в такой час?

– Не будете ли вы так добры дать мне немного хлеба?

– Подождите, я сейчас вернусь, – произнёс старичок. Он решил, что имеет дело с одним из тех мальчишек-сорванцов, которые будят по ночам почтенных людей лишь для того, чтобы поднять их с постелей.

Не прошло и минуты, как Пиноккио вновь услышал голос старичка:

– Подойдите к окну и подставьте шапку.

Пиноккио сдёрнул шапку с головы, но едва он протянул её, как на него вылился целый таз воды, окатив с головы до ног, словно он был горшком с засохшей геранью.

Будто мокрый цыплёнок, возвратился Пиноккио домой, изнемогая от голода и усталости. Он без сил опустился на стул и пристроил мокрые, перепачканные землёй ноги на жаровне с тлеющими углями.

Так он и заснул. И пока он спал, его деревянные ноги начали тлеть и мало-помалу обгорели.

Пиноккио спал себе и похрапывал, словно ноги принадлежали не ему, а кому-то другому. Ближе к рассвету его раз-

будил стук в дверь.

– Кто там? – спросил он, зевая и протирая глаза.

– Это я, – отозвался голос.

Это был голос Джепетто.

Глава 7

Джепетто возвращается домой и отдаёт Пиноккио завтрак, купленный им для себя

Бедный Пиноккио, толком не проснувшись, сначала даже не заметил, что ноги его сгорели. Услышав голос отца, он метнулся со стула, чтобы открыть дверь. Но не удержался на ногах и растянулся на полу с таким грохотом, словно из окна пятого этажа сбросили мешок с деревянными ложками.

– Открывай дверь! – закричал Джепетто с улицы.

– Дорогой отец, я не могу! – отвечал Пиноккио, с плачем катавшийся по полу.

– Это ещё почему?

– Потому что у меня съели ноги.

– И кто это съел твои ноги?

– Кошка, – сказал Пиноккио, увидев кошку, увлечённо игравшую со стружками.

– Открывай дверь, кому говорят! – заорал Джепетто. – Не то я тебе такую кошку задам!

– Отец, поверьте, я не могу встать на ноги! Ой, бедный я, несчастный! Придётся мне всю оставшуюся жизнь ползать на коленях!

Джепетто, уверенный, что все эти причитания не более чем новые проделки куклы, вскарабкался по стене и забрался в дом через окно.

Он был очень зол и поначалу собирался как следует отругать озорника. Но когда он увидел Пиноккио, лежащего на полу с обгоревшими ногами, его охватила жалость. Джепетто подхватил Пиноккио на руки, поцеловал его и начал успокаивать. Слёзы бежали по щекам старичка.

– Пиноккио, дорогой мой малыш! – воскликнул он. – Как же тебя угораздило сжечь свои ножки?

– Сам не знаю, отец, но поверьте, это была ужасная ночь, мне её вовек не забыть! За окном гремело и сверкало, и я был очень голоден. А потом Говорящий Сверчок сказал мне: «Поделом тебе! Ты плохо себя вёл и этого заслуживаешь!» А я ему сказал: «Придержи язык». А он мне говорит: «Ты деревянная кукла, и голова у тебя деревянная», я и швырнул в него молотком, и он умер, но он сам виноват, я его убивать не хотел, а потом я поставил сковороду на жаровню, а цыплёнок выскочил и говорит: «Мои наилучшие пожелания вашей семье!» И тогда мне ещё сильнее захотелось есть, и старичок в ночном колпаке сказал: «Подойди к окну и протяни шапку», а сам вылил мне на голову таз воды. Я вернулся домой и поставил ноги на жаровню, потому что замёрз и был по-прежнему голоден, а тут и вы вернулись. А теперь, оказывается, мои ноги сгорели, и я по-прежнему голодный, но у меня больше нет ног! Ой-ой-ой!

И Пиноккио заплакал так громко, что его было слышно по всей округе.

Из всего сумбурного рассказа Джепетто понял только одно: что деревянный мальчишка умирает от голода. Он вынул из кармана три груши и протянул их Пиноккио со словами:

– Я собирался съесть эти груши на завтрак, но теперь отдаю их тебе. Надеюсь, они тебе помогут.

– Если вы хотите, чтобы я их съел, будьте так любезны, очистите их.

– Очистить? – переспросил изумлённый Джепетто. – Вот уж не думал, мальчик мой, что ты такой привереда. Это скверно! В нашем мире надо научиться есть всё, потому что никогда не знаешь заранее, что тебе достанется.

– Может, вы и правы, – перебил его Пиноккио, – но неочищенные фрукты я есть не стану. Терпеть не могу кожуру.

Пришлось Джепетто вынуть нож и, вооружившись терпением, очистить все три груши. Кожуру он положил на край стола.

В два счёта обкусав первую грушу, Пиноккио хотел было выкинуть сердцевину, но Джепетто перехватил его руку.

– Не выбрасывай, – велел он. – В этом мире всё может пригодиться.

– Не есть же мне огрызки! – вскинулся Пиноккио.

– Дело твоё, – не теряя хладнокровия, сказал Джепетто.

Три огрызка, вместо того чтобы вылететь в окно, составили компанию кожуре, лежащей на краю стола.

Съев, или, скорее, умяв три груши, Пиноккио зевнул и недовольно буркнул:

– А я всё такой же голодный!

– Но мне больше нечего тебе дать, мой мальчик!

– Совсем нечего?

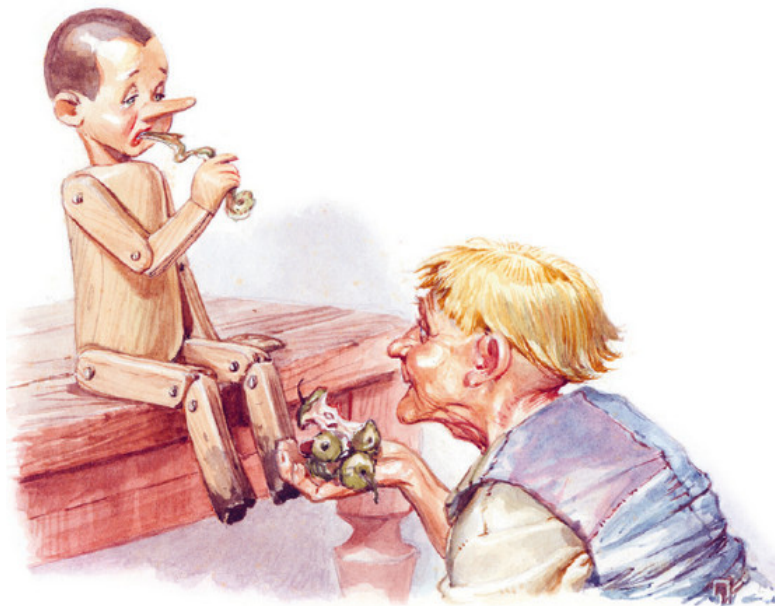
– Есть только кожура и огрызки груш.

– Ну ладно, – сказал Пиноккио. – Раз ничего другого нет, сойдёт и кожура.

И он принялся за очистки. Сначала он было скривился, но затем быстро проглотил всю кожуру. Потом настал черед сердцевинок. И вот, съев всё, что оказалось в поле его зрения, Пиноккио подбочился и весело воскликнул:

– Вот теперь мне хорошо!

– Видишь, – сказал Джепетто. – Прав я был, когда говорил, что в этом мире всё может пригодиться. Дорогой мой мальчик, мы ведь никогда не знаем, что с нами может случиться!

Глава 8

Джепетто приделывает Пиноккио новые ноги и продаёт свою куртку, чтобы купить ему азбуку

Едва Пиноккио утолил голод, как тотчас принялся плакать и выпрашивать у Джепетто новую пару ног.

Чтобы наказать Пиноккио за дурное поведение, Джепетто не обращал внимания на его жалобы целых полдня. А потом сказал ему:

– Зачем мне делать тебе новые ноги? Чтобы ты опять удрал из дома?

– С этого дня я буду хорошим, – всхлипывая, твердил Пиноккио. – Даю слово!

– Все дети так говорят, когда хотят что-нибудь получить, – заметил Джепетто.

– Я обещаю, что пойду в школу и буду учиться так, что вы сможете мной гордиться!

– Все дети, когда чего-нибудь хотят, заводят одну и ту же песню.

– Но я не такой, как другие дети! Я лучше их всех и всегда говорю правду. Обещаю, отец, я научусь какому-нибудь ремеслу и буду помогать вам в старости.

Какое бы суровое лицо ни делал Джепетто, в глазах его стояли слёзы, а сердце переполнялось болью при виде страданий Пиноккио. Не говоря ни слова, он взял инструменты и два небольших чурбачка и принялся за работу.

Не прошло и двух часов, как ноги были готовы: пара чудесных маленьких ножек, достойных резца настоящего скульптора.

Тогда Джепетто велел кукле:

– Закрой глаза и спи!

Пиноккио закрыл глаза и притворился, что заснул.

А Джепетто тем временем растопил немного клея в яичной скорлупе и приладил ноги на место.

Сделал он это так искусно, что даже линии склейки были незаметны.

Получив новые ноги, Пиноккио тотчас соскочил со стола и запрыгал по комнате, словно обезумев от восторга.

– В благодарность за то, что вы для меня сделали, я сейчас же отправлюсь в школу, – объявил Пиноккио отцу.

– Молодец!

– Но для этого мне нужна одежда.

Джепетто, у которого по бедности и гроша не было в кармане, сделал кукле костюм из цветной бумаги, пару башмаков из древесной коры и колпак из кусочка теста.

Пиноккио подбежал к чану с водой, чтобы посмотреть на своё отражение, и увиденное так понравилось ему, что он приосанился, как павлин, и воскликнул:

– Я выгляжу совсем как благородный господин!

– Это верно, – согласился Джепетто. – Благородный господин – не тот, у кого одежда богатая, а тот, у кого она чистая.

– Да, кстати, – спохватился Пиноккио. – Не могу же я пойти в школу без азбуки.

– И правда. Но как нам её раздобыть?

– Проще простого. Пойдём в книжную лавку и купим.

– А деньги?

– У меня их нет.

– И у меня тоже нет, – сокрушённо промолвил добрый старик.

Хотя обычно Пиноккио отличался весёлым нравом, тут погрустнел и он: ведь что такое бедность, а уж тем более — нищета, понимают все, даже дети.

— Погоди-ка! — воскликнул Джепетто, вскакивая на ноги. Он накинул на плечи свою ветхую залатанную куртку и вышел из дома.

Вскоре он вернулся, держа в руках азбуку для Пиноккио, только старенькой куртки на нём уже не было. Бедняга остался в одной рубашке, хотя на улице шёл снег.

– А где ваша куртка, отец?

– Я её продал.

– Зачем?

– Она была слишком тёплая.

Пиноккио сразу понял, в чём дело. Не в силах сдержать порыва доброго своего сердечка, он вскочил, обвил руками шею Джепетто и крепко расцеловал его.

Глава 9

Пиноккио продаёт азбуку, чтобы посмотреть кукольное представление

Как только перестал валить снег, Пиноккио с азбукой под мышкой отправился в школу. По пути в маленькой его голове рождались тысячи идей и выстраивались воздушные замки, один прекраснее другого.

Пиноккио рассуждал так:

– Сегодня я научусь в школе читать. Тогда завтра я уже смогу писать, а послезавтра – считать. С такими знаниями я заработаю много денег и первым делом куплю красивую суконную куртку для отца. Да что это я? Тоже мне, суконную! Она будет из золота и серебра, и с бриллиантовыми пуговицами. Уж он-то это заслужил: остался в одной рубашке, чтобы купить мне азбуку! И это в такую стужу! Только родители способны на такие жертвы.

И в этот миг Пиноккио услышал музыку, играющую в отдалении. Звуки доносились с другого конца улицы, с площади, раскинувшейся на берегу моря.

«Что это за музыка? Какая жалость, что мне нужно в школу, не то...»

Пиноккио колебался, не зная, как быть. Пойти в школу? Или послушать, как поют флейты?

«Сегодня послушаю музыку, – решил он наконец. – А завтра – в школу».

Чем ближе подбегал Пиноккио, тем отчётливее становилось пение флейт и раскатистый бой большого барабана: фьюи-фьюи-фьюи, бум, бум, бум. И вот Пиноккио очутился на площади. Толпа народа сгрудилась перед деревянным балаганом, затянутым пёстро раскрашенным холстом.

– Что это такое? – спросил Пиноккио мальчика, стоявшего рядом.

– Прочитай вывеску – узнаешь.

– Я бы с радостью, но так получилось, что я не умею читать.

– Ну и олух! Ладно уж, прочитаю тебе. Вон на той вывеске с огненно-красными буквами написано: «Большой Кукольный Театр».

– А когда начинается представление?

– Прямо сейчас.

– И сколько нужно заплатить за вход?

– Пять монет.

Не помня себя от возбуждения, Пиноккио обратился к мальчику:

– Ты не одолжишь мне пять монет до завтра?

– Я бы с радостью, – ответил мальчик, – да так получилось, что сегодня я займы не даю.

– А может, купишь мою куртку за пять монет? – предложил Пиноккио.

– И на что мне твоя бумажная куртка? Пойдёт дождь, она размокнет, её и от спины потом не отдерёшь.

– Купи тогда башмаки.

– Ими только печку топить.

– А сколько ты дашь за колпак?

– Хорошая сделка, ничего не скажешь! Колпак из теста!

Мыши его у меня прямо на голове сгрызут.

Пиноккио, конечно, мог предложить ещё кое-что, но только духу у него не хватало.

Наконец он решился:

– Не дашь ли ты мне пять монет за эту новенькую азбуку?

– Я у других детей такие вещи не покупаю, – возразил мальчик, который был куда благоразумнее, чем Пиноккио.

– Я куплю у тебя эту азбуку за пять монет, – вызвался уличный торговец, прислушивавшийся к разговору.

Так была продана азбука. Подумать только, а ведь бедный Джепетто, дрожавший от холода у себя дома, отдал за эту азбуку свою куртку!

Глава 10

Куклы узнают в Пиноккио собрата и торжественно встречают его, но в самый разгар веселья является хозяин театра Манджафоко, и Пиноккио рискует плохо закончить свою жизнь

С появлением Пиноккио в театре поднялся настоящий переполох. Надо сказать, что занавес уже был поднят и представление началось.

На сцене, как заведено в кукольных спектаклях, ссорились две куклы, Арлекин и Пульчинелла, и перепалка грозила в любой момент перерасти в драку. Публика хохотала до слёз, слушая перебранку двух кукол, а те, бурно жестикулируя, препирались друг с другом совсем как люди.

Но внезапно Арлекин смолк и повернулся к зрителям. Он указал на кого-то, сидящего на галёрке, и взволнованно воскликнул:

- Глазам не верю! Или это сон? Это же Пиноккио!
- Точно, Пиноккио! – закричал Пульчинелла.
- И правда! – ахнула Роза, выглядывавшая из-за кулис.

– Это Пиноккио! Пиноккио! – хором подхватили куклы, выбегая на сцену. – Это наш брат! Да здравствует Пиноккио!

– Пиноккио, поднимайся сюда! – крикнул Арлекин. – Обними своих деревянных собратьев!

Услышав этот призыв, Пиноккио перепрыгнул с галёрки в партер. Ещё прыжок – и он приземлился на голову дирижёра, а там очутился и на сцене.

Поцелуи, объятия, дружеские тычки, разнообразные проявления тёплых чувств, полученные Пиноккио от взволнованных актёров и актрис кукольной труппы, – всё это не поддаётся описанию.

Но, сколь ни трогательным было это зрелище, публика, видя, что представление прервалось, была недовольна и те-

ряла терпение. Раздались крики:

– Хотим спектакль! Продолжайте представление!

Но всё было без толку. Вместо того чтобы продолжить сценку, куклы загомонили ещё громче, подняли Пиноккио на плечи и с триумфом понесли его вдоль рампы.

Тут-то и появился хозяин театра. Это был человек исполинского роста и до того безобразный, что один его вид мог напугать кого угодно. Борода у него была чёрная как смоль и такая длинная, что доставала до самой земли, и он то и дело наступал на неё при ходьбе. Рот был величиной с печку, а глаза горели, как два фонаря с красными стёклами. И он всё время щёлкал большим кнутом, сплетённым из змей и лисьих хвостов.

При его появлении воцарилась мёртвая тишина. Никто и дышать не смел, слышно было, как муха пролетит. Бедные куклы трепетали как листья.

– Кто здесь осмелился учинять беспорядки в моём театре? – прорычал хозяин, обращаясь к Пиноккио.

– Поверьте, достопочтенный господин, здесь нет моей вины!

– Довольно! Вечером я с тобой разберусь.

Когда представление кончилось, хозяин театра вернулся на кухню. Там на вертеле медленно поворачивался целый баран, которого жарили ему на ужин. Но для того чтобы баран зажарился как следует, не хватало дров, и хозяин позвал Арлекина и Пульчинеллу и велел им:

– Тащите сюда этого мальчишку, он висит там на гвозде. Вроде бы он сделан из сухого дерева, мой ужин отлично прожарится, если подбросить его в огонь.

Арлекин и Пульчинелла не спешили выполнить приказ, но хозяин устремил на них такой свирепый взгляд, что они не посмели послушаться. Вскоре они вернулись на кухню, волоча за собой Пиноккио, а тот извивался, словно выловленный из воды угорь, и отчаянно кричал:

– Отец! Отец! Спасите меня! Я не хочу умирать! Не хочу!

Глава 11

Манджафоко чихает и прощает Пиноккио, который после этого защищает и спасает от смерти своего друга Арлекина

Манджафоко, что означает «глотающий огонь», – а именно так и звали хозяина театра, – на вид был страшен из-за чёрной бороды, закрывавшей его грудь и ноги будто фартук. Но на самом деле сердце у него было незлое. Когда перед ним предстал несчастный Пиноккио, вырывающийся и вопящий от страха, Манджафоко стало жаль его. И он так старался подавить в себе это чувство, что в конце концов не выдержал и яростно чихнул. Тут поникший было Арлекин оживился. Он наклонился к Пиноккио и прошептал:

– Добрый знак, братишка! Раз хозяин чихнул, значит, ему тебя жалко и ты можешь спастись!

Надо сказать, что если обычно люди от сострадания и жалости льют слёзы, то Манджафоко, расчувствовавшись, принимался чихать.

Отчихавшись, Манджафоко прикрикнул на Пиноккио:

– Не реви! У меня от твоих причитаний живот подводит. Я прямо чувствую... апчхи! апчхи!

– Будьте здоровы, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. А что, твои отец с матерью живы? – спросил Манджафоко.

– Отец жив, а матери я никогда не знал.

– Какое горе будет для твоего отца, если я брошу тебя в огонь! Бедный старик! Как мне его жаль! Апчхи! Апчхи! Апчхи!

– Будьте здоровы, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. Вот видишь, и я бываю великодушен. А ведь мне нужны дровишки, чтобы дожарить ужин, и ты, честно говоря, пришёлся бы весьма кстати! Ну да ладно, раз я решил тебя пожалеть, о чём теперь говорить. Придётся вместо тебя спалить куклу из моей собственной труппы. Стража!

На зов немедленно явились два деревянных стражника. Они были высокие и очень худые. На головах у них красовались шляпы, а в руках сверкали обнажённые мечи.

Манджафоко приказал им:

– Схватите Арлекина, свяжите его и бросьте в огонь. Мне нужна хорошо прожаренная баранина!

Представьте, каково было несчастному Арлекину! Ноги у него подогнулись от ужаса, и он упал, ткнувшись носом в пол.

Это было выше сил Пиноккио, он бросился к ногам Манджафоко и взмолился, заливая слезами его длинную бороду:

- Сжальтесь, господин Манджафоко!
- Здесь господ нету, – огрызнулся хозяин театра.
- Сжальтесь, о рыцарь!
- Рыцарей здесь тоже нету.
- Сжальтесь, командир!
- И командиров нет.
- Сжальтесь, ваше превосходительство!

Услышав, что его величают «превосходительством», Манджафоко расплылся в улыбке, подобрел и сразу стал гораздо сговорчивее. Он повернулся к Пиноккио и спросил:

- Ну, и чего ты от меня хочешь?
- Умоляю вас, помилуйте бедного Арлекина!

– Никаких помилований! Раз я пожалел тебя, придётся сжечь его: надо же дожарить баранину.

– В таком случае, – отважно вскричал Пиноккио, сорвав с себя колпак, – в таком случае я знаю, как должен поступить! Вперёд, стражники! Хватайте меня и бросьте в огонь! Несправедливо, если Арлекину, моему верному другу, придётся умереть из-за меня!

При этих словах все куклы, находившиеся в комнате, зарыдали. Стражники и те всхлипывали как младенцы.

Поначалу Манджафоко оставался холоден и твёрд как ледяная глыба, но понемногу и он стал оттаивать — и чихать. Чихнув четыре, а то и пять раз, он протянул к Пиноккио руки и с чувством воскликнул:

– Какой же ты славный отважный мальчуган! Иди сюда и поцелуй меня!

Пиноккио кинулся к Манджафоко, с проворством белки вскарабкался по его бороде и звонко чмокнул его в кончик носа.

– Так я помилован? – еле слышным голосом пролепетал несчастный Арлекин.

– Помилован! – отозвался Манджафоко. И добавил, вздыхая: – Ну ладно, так и быть. Придётся мне сегодня есть недожаренный ужин. Но в следующий раз горе тому, кто подвернётся мне под руку!

Услышав о помиловании, куклы выбежали на сцену, зажгли все лампы и канделябры, как для настоящего представления, и закружились в танце. За танцами их и застал рассвет.

Глава 12

Манджафоко дарит Пиноккио пять золотых монет, чтобы он отнёс их своему отцу Джепетто; но Пиноккио увлекают за собой Лиса и Кот

На следующий день Манджафоко вызвал к себе Пиноккио и спросил его:

– Как зовут твоего отца?

– Джепетто.

– А чем он занимается?

– Он занимается бедностью.

– И много он зарабатывает?

– Много ли? Обычно у него в карманах ни монетки не водится. Чтобы купить мне азбуку, он продал свою единственную куртку – такую залатанную, что в ней и на людях нельзя было показаться.

– Вот беда! Я ему почти сочувствую. На, держи пять золотых. Сию же минуту ступай, отнеси их отцу, да поклонись ему от меня.

Пиноккио горячо поблагодарил хозяина театра. Он пооче-

редно обнял всех кукол, даже стражников, и, вне себя от радости, пустился домой.

Но далеко уйти он не успел. По дороге он повстречал лису, прихрамывающую на одну лапу, и слепого кота. Они брели по дороге, поддерживая друг друга, как два верных товарища, попавших в беду. Лиса-хромоножка опиралась на кота, а слепой кот шёл, куда вела его спутница.

– Добрый день, Пиноккио, – с вежливым поклоном приветствовала Лиса куклу.

– Откуда ты знаешь моё имя? – удивился Пиноккио.

– Я хорошо знакома с твоим отцом.

– Где же ты его видела?

– Вчера я видала его на пороге вашего дома.

– И что он делал?

– Стоял в одной рубашке и дрожал от холода.

– Бедный отец! Но с этого дня дрожать ему уже не придётся!

– Это почему?

– Потому что я стал богачом.

– Богачом? Ты?! – И Лиса разразилась презрительным смехом. Прикрывая лапой усы, тихонько хихикал и Кот.

– Нечего смеяться! – рассердился Пиноккио. – Просто не хочу, чтобы вы мне завидовали, но раз так, вот, полюбуйтесь: пять золотых!

И он вытащил монеты, подаренные Манджафоко.

Заслышав заманчивый звон монет, Лиса невольно вытянула казавшуюся искалеченной лапу, а глаза Кота раскрылись и сверкнули, как два зелёных фонарика. Но это произошло так быстро, что Пиноккио ничего не заметил.

— И что ты собираешься делать с таким богатством? — осторожно спросила Лиса.

— Сначала, — отвечал Пиноккио, — куплю отцу новую куртку из серебра и золота, с бриллиантовыми пуговицами, а потом куплю себе азбуку.

— А зачем тебе азбука?

— Как зачем? Я собираюсь пойти в школу и учиться, как положено хорошему мальчику.

— Посмотри на меня! — воскликнула Лиса. — Дурацкая жажда знаний стоила мне ноги.

— И на меня посмотри! — подхватил Кот. — Мне жажда знаний стоила зрения!

В это время на изгородь у дороги опустился дрозд. Он пропел:

— Пиноккио, не слушай советов плохих товарищей, не то пожалеешь!

Несчастный дрозд! Лучше бы он молчал! Кот настиг его одним прыжком и проглотил со всеми перьями, так что тот и ойкнуть не успел.

Слопав дрозда и умывшись, Кот снова закрыл глаза и притворился слепым.

– Бедный дрозд! – вырвалось у Пиноккио. – Как ты мог так поступить с ним?

– Это ему урок. В другой раз не будет лезть в чужие разговоры.

Они уже были на полпути к дому Пиноккио, как вдруг Лиса остановилась и обратилась к деревянному мальчишке:

– А ты не хочешь приумножить свой капитал?

– Как это?

– Хочешь превратить жалкие пять золотых в целую сотню или даже в тысячу, а то и в две тысячи?

– Само собой, хочу! А как это сделать?

– Довольно просто. Не спеши возвращаться домой, пойдём лучше с нами.

– И куда это вы направляетесь?

– В Страну Дураков.

Пиноккио мгновение поразмыслил, а затем твёрдо сказал:

– Нет, не пойду. Я уже в двух шагах от дома, надо вернуться к отцу, который ждёт меня. Кто знает, что он пережил вчера, когда я не пришёл домой! Я и в самом деле был плохим сыном, и Сверчок верно говорил: непослушным детям никогда не добиться ничего хорошего. Этот урок дорого мне обошёлся: сколько на меня свалилось несчастий! Даже вчера, в доме Манджафоко, я едва... Бррр! Как подумаю, дрожь пробирает.

– Ну что ж, нет так нет, – сказала Лиса. – Ты решил окончательно? Ладно, иди домой. Тем хуже для тебя.

– Тем хуже для тебя, – эхом откликнулся Кот.

– Подумай хорошенько, Пиноккио, ты отказываешься от целого состояния!

– Состояния! – повторил Кот.

– Сегодняшние пять золотых завтра превратились бы в две тысячи.

– Две тысячи! – поддакнул Кот.

– Как такое может быть? – спросил Пиноккио, широко открывая глаза от изумления.

– Сейчас объясню, – сказала Лиса. – Дело в том, что в Стране Дураков есть волшебное поле, называемое Поле Чудес. Выкапываешь на этом поле ямку и кладёшь в неё, скажем, один золотой. Затем забрасываешь ямку землёй, поливаешь двумя вёдрами воды из фонтана и посыпаешь двумя щепотками соли, а когда наступает ночь, спокойно ложишься спать. За ночь золотой вырастает и расцветает, а утром ты возвращаешься на поле – и что ты там видишь? Прекрасное дерево, на котором сверкает столько золотых монет, сколько зёрен в июльском колосе.

– Допустим, – пробормотал ошеломлённый Пиноккио, – я зарою на этом поле свои пять золотых. Сколько же я найду на следующее утро?

– Это очень легко вычислить, – ответила Лиса. – Можно по пальцам сосчитать. Каждый золотой принесёт тебе прибыль в пять сотен. Умножь пять сотен на пять – и наутро у тебя в кармане будет звенеть две с половиной тысячи сверкающих золотых.

– Вот это да! Замечательно! – Пиноккио подпрыгнул от радости. – Как только соберу деньги, две тысячи сохраню, а

пятьсот отдам вам двоим в подарок.

– Нам в подарок? – вскричала Лиса обиженно. – Не говори

глупостей!

– Не говори глупостей! – вторил ей Кот.

– Мы не ради своей выгоды стараемся, – сказала Лиса. – Мы хотим обогатить других!

– Других! – повторил Кот.

«Какие они хорошие», – подумал Пиноккио. И, вмиг забыв и об отце, и о новой куртке, и об азбуке, и обо всех своих разумных решениях, он обратился к Лисе и Коту:

– Решено, я иду с вами! Отправляемся в путь немедленно!

Глава 13

Пиноккио и его спутники останавливаются в таверне «Красный рак»

Пиноккио и его новые знакомые шли долго и только к вечеру, смертельно усталые, добрались до таверны «Красный рак».

– Остановимся здесь, – сказала Лиса. – Поедим и передохнем пару часов, а в полночь двинемся дальше, тогда к рассвету мы уже будем на Поле Чудес.

В таверне они первым делом отправились ужинать, но ни у кого из них не было аппетита.

Кот страдал несварением желудка, да и вообще плохо себя чувствовал, поэтому и одолел всего лишь тридцать пять мелких рыбёшек с томатным соусом и четыре порции потрошков. А поскольку потрошки, с его точки зрения, были недостаточно вкусны, Кот потребовал ещё и масла и тёртого сыра!

Лиса тоже охотно пожевала бы что-нибудь, но доктор прописал ей строгую диету. Пришлось довольствоваться зайчатиной под кисло-сладким соусом, цыплятами и молоденькими курочками. После зайчатки Лиса послала за куропатка-

ми, кроликами, лягушками, ящерицами и прочими деликатесами, но больше ни к чему не притронулась. По её словам, от одного вида еды ей становилось так плохо, что она и коту ничего не могла поднести.

Меньше всех ел Пиноккио. Он попросил немного орехов и хлеба, да и то оставил почти всё на тарелке. Бедному мальчугану было не до еды: все его мысли занимало Поле Чудес.

После ужина Лиса сказала хозяину таверны:

– Нужны две комнаты: одна – для господина Пиноккио, а другая – для нас с другом. Попытаемся вздремнуть немного. Только не забудьте разбудить нас в полночь: нам снова надо в путь.

– Разумеется, господа. – И хозяин подмигнул Лисе и Коту, как бы говоря: «Я-то знаю, что у вас на уме! Мы друг друга поняли».

Пиноккио заснул, едва коснувшись головой подушки. Во сне он видел поле и кусты, а на ветках кустов сверкали грозди золотых монет. Монеты позвякивали на ветру, словно приговаривая: «Кто хочет – приходи и сорви». В самый захватывающий момент, когда Пиноккио уже протягивал руки, чтобы сорвать монеты и набить ими карманы, его разбудили три энергичных удара в дверь.

Это был хозяин таверны, он сообщил, что пробило полночь.

- Мои товарищи уже готовы? – спросил Пиноккио.
- Готовы? Они уже ушли.
- С чего такая спешка?
- Коту сообщили, что у его старшего котёнка распухла лапка и он лежит при смерти.

– А за ужин они заплатили?

– Помилуйте! Они слишком хорошо воспитаны, чтобы наносить подобное оскорбление такому благородному господину, как вы.

– Какая жалость! Это оскорбление доставило бы мне немалое удовольствие, – пробормотал Пиноккио, почёсывая в затылке. Потом он спросил: – А друзья не передавали, где мы встретимся?

– На Поле Чудес, на рассвете.

Пиноккио расплатился и за себя, и за своих приятелей одним золотым и отправился в путь.

Стояла такая темень, что Пиноккио не различал собственных рук, даже поднеся их к глазам, дорогу приходилось искать ощупью. Вокруг не слышно было даже шороха листвы. Ночная птица, перепархивая через дорогу, на лету коснулась крылом носа Пиноккио. Испуганный, он отпрыгнул в сторону с криком: «Кто здесь?!» – «Здесь... здесь... здесь...» – откликнулось эхо.

И тут Пиноккио вдруг увидел на стволе дерева маленькое насекомое, от которого исходило слабое свечение, будто горел фарфоровый ночничок.

– Ты кто? – вырвалось у Пиноккио.

– Я – призрак Говорящего Сверчка, – отозвалось насекомое голосом таким тихим и слабым, будто он доносился из другого мира.

– Что тебе нужно? – спросил Пиноккио.

– Хочу дать тебе один совет. Возвращайся поскорее домой и отдай оставшиеся четыре золотых своему бедному отцу, который в отчаянии оплакивает тебя.

– Завтра мой отец будет богатым господином, а четыре золотых превратятся в две тысячи.

– Мальчик мой, не доверяй тем, кто обещает обогатить тебя за один день. Это либо глупцы, либо злодеи! Послушай меня, возвращайся!

– Нет, я решил продолжить путь.

– Час уже поздний!

– Я решил идти дальше.

– Ночь темна!

– Я решил идти дальше.

– Дорога опасна!

– Я решил идти дальше.

– Помни: дети, которые думают только о своём удовольствии и никого не желают слушать, рано или поздно пожа-

леют об этом.

– Опять одно и то же! Доброй тебе ночи, Сверчок!

– Доброй ночи, Пиноккио, и да убережёт тебя небо от опасностей и от разбойников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.